

ВТОРОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

Дальше будет сложнее. Есть, видимо, определенная закономерность в развитии общественной жизни, заключающаяся в том, что чем ближе к современности, тем все оказывается сложнее. Укорачивается «дистанция объективности» — мера исторического времени. Да и сама действительность идет не к упрощению, а все более усложняется по мере развития, все более «ветвится». Именно так движется само историческое «дело». И по причинам, о которых говорилось в «Первом объяснении с читателем», я не адаптировал материал этой книги и потому еще, что приближение к современности делает совершенно нетерпимой всякую инфантилизацию читательского сознания, особенно только еще готовящегося и стремящегося к повзрослению. Иначе это сознание может так и остаться невзрослым, инфантильным.

В экстремальные годы люди в шестнадцать лет, бывало, командовали полками. О таких примерах вспоминают с восхищением и в назидание. Есть еще и другие подвиги юности, о которых тоже надо помнить. К примеру, люди из круга Чернышевского или позже — Плеханова, а еще позже — Луначарского к шестнадцати годам обзаводились собственным мировосприятием на поразительно высоком уровне, их отношение к жизни развивалось на очень рано выработанной основе. И читали они «взрослые» книги по философии, истории, этике, политике или эстетике не потому, что не могли достать детских книг и пособий по этим предметам, а потому, что искали и умели находить такие книги, которые становились для них школой мысли — самостоятельной мысли. Ибо нет и не может быть на свете никакого иного способа мыслить, нежели мыслить соб-

ственной головой. А книги затем и нужны, чтобы учиться по ним именно этому, а совсем не для того, чтобы потом повторять то, что в них вычитал. «Вторить», «разделять мысли» — еще не значит мыслить. Мышление — дело всегда творческое, оригинальное и самостоятельное.

Сейчас мы много говорим о новом мышлении — это особый сюжет. Особый сюжет — процесс формирования у нас нового мышления, его общественно-исторические предпосылки, его неизбежность, его этапы, его представимые перспективы. Здесь я хочу подчеркнуть лишь то кардинальное обстоятельство, что новое мышление — это прежде всего мышление, то есть самостоятельное, обходящееся без подсказки миропонимание, миропостижение и миростолкование, во всяком случае, осознанное и устойчивое стремление ко всему этому. И всегда новое мышление, то есть мыслесозидание, мыслетворчество, новый взгляд на новые вопросы жизни, ибо привычный или стереотипный подход к новым жизненным вопросам может подготовить к их решению (верному или неверному), но не в состоянии дать к ним ключ...

И еще. В нашей книге будет встречаться все больше специальных терминов и понятий, которые, вероятно, вам еще не знакомы.

По какому пути стоило пойти? Для облегчения восприятия текстов составить словарь? А затем разъяснить в специальных сносках, что это, к примеру, за «принципы восемьдесят девятого года», и что же такое в этом 1789 году происходило, и где и т. д.? А потом охарактеризовать в специальных примечаниях людей, которые упоминаются в книге и могут оказаться вам незнакомы, дать соответствующие дифиниции (еще одно слово для словарика?), биографические данные и прочее? Но зачем все это делать за вас?

Тем более что речь идет о таком нехитром занятии, как самостоятельная работа с энциклопедическим словарем или иным общедоступным справочным изданием. Если же вам захочется вдруг заглянуть в какое-нибудь более обстоятельное издание — очень хорошо. Тем самым вы произведете некое самостоятельное небольшое исследование. А заодно, быть может, натолкнетесь на какие-то иные интересные сведения и факты, которые пригодятся вам в будущем.

Короче, я рассчитываю на внимание любознательного читателя. И если в книге будут незнакомые вам имена, факты, незнакомые пока еще понятия и термины, непривычные сопоставления и непредугаданные ассоциации, все это вы сами восполните, ко всему вернетесь и все обдумаете и усвоите, потому что вам захочется это сделать, если только для вас окажется интересна основная, главная идея книги, ее пафос, ее внутренняя тенденция, которые, без сомнения, вы уловите, хотя, быть может, и не знаете пока еще «всех слов». Ведь так происходит и со «взрослой» художественной литературой. Так происходит и с жизнью вообще, сколько ни тверди, что «об этом» — как вы не понимаете! — «им еще рано знать». До каких пор «рано»? Где тут граница — граница знания? Кто и почему может ее устанавливать? И главное, кто в состоянии ее установить на деле? Во всяком случае, сегодня. Ведь гласность, помимо всего прочего, преодолевает и те искусственные возрастные барьеры и границы, которые воздвигались у нас не одно десятилетие в целях своего рода экономии информации.

А для тех, кто думает иначе, скажу так: опережающее, преимущественное, приоритетное, форсированное развитие научно-технических и практически-прикладных знаний по отношению к развитию знаний гуманитарного характера программирует возможность дегуманизации

человеческого общества, расширения границ той самой бездуховности, о которой мы говорим с таким праведным гневом и все более пространно. Между тем риторизм здесь особенно нехорош: в разрыве гуманитарного и научно-технического начала, в утверждении приоритета последнего кроется главная опасность нашего «предельного» времени, всей нашей эпохи, которую с несколько успешным энтузиазмом успели окрестить эпохой НТР, не успев, кажется, призадуматься над тем смыслом, который заключен в такого рода наименовании...

И еще. Уже по существу дела.

Вам не кажется, что я все время вроде бы защищаю Чернышевского от кого-то или чего-то, что слышен этот «защитительный тон» в главе, которую вы только что прочли? Да, я не смог этого избежать. И объясню почему. Дело в том, что тот самый «закон палки», которую с известной неизбежностью крайней последовательности мнений и инерции мышления перегибают то в одну сторону, то в другую, коснулся и самого Чернышевского. Одно, как известно, время Чернышевский был в России «властителем дум». Потом обстоятельства изменились, на исторической сцене появились иные люди с иными взглядами — они стали новыми «властителями дум». В общем и целом все происходило именно так, как и должно было происходить, если вы помните, согласно предсказанию самого же Чернышевского, с его героями. Но потом с Чернышевским случилось нечто такое, чего он не предсказывал и, судя по всему, не мог предвидеть. Случилось так, что его имя стали приспособлять для подкрепления разного рода суждений и оценок, которые в принципе были ему чужды, хотя и могли, наверное, найти свое оправдание в тех или иных слабостях и недостатках его позиции. Чернышевским стали прикрывать и освящать иные, не его

взгляды. От него тянули свою родословную многие «аракчеевы прогресса», если вспомнить этот злой, но точный и узнаваемый термин Герцена. Чернышевский был энергично выведен из сферы, доступной критическому анализу, пополнив собой стадо «священных коров» и одновременно секту «неприкасаемых». И тут же вновь сработал «закон палки»: с механической четкостью маятника Чернышевский стал падать в глазах массового читателя. «Властитель дум» — явление неформальное по самой своей сути, любое оказывание в этом случае совершенно равносильно развенчанию, хотя внешне и формально подобный акт или процесс может выглядеть весьма торжественно и представлять непререкаемым. Так или иначе, но результатом придания тем или иным взглядам Чернышевского нормативности и официальной обязательности было падение неформального престижа мыслителя-революционера. Дальше — больше. Чернышевский вообще «вышел из фавора». Резко «пошла вниз кривая» кандидатских и докторских диссертаций, посвященных Чернышевскому и изготовлявшихся некогда в поразительном количестве, само имя его стало все реже поминаться в литературных и теоретико-эстетических трудах, на его мнение не спешили уже опереться ни исследователи истории русской литературы, ни тем более критики и публицисты. А ведь дело тут было отнюдь не в самом Чернышевском... Впрочем, все это случилось не вдруг и имело свою историю и даже предысторию. О чем — ниже.